



ПРОТОИЕРЕЙ
АЛЕКСАНДР МЕНЬ
ПУТИ ЦЕРКВИ

Александр Мень

Пути Церкви

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня»

1989–1990

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Пути Церкви / А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Меня», 1989–1990

ISBN 978-5-903612-31-4

В книге собраны лекции о. Александра Меня, прочитанные им в 1989–1990 гг. В них о. Александр рассказывает о становлении христианства в первые века (от I до X в.), о святых и мучениках, о христианских философах и богословах, об отцах Церкви и проповедниках евангельской вести как на Востоке, так и на Западе. Лекции публикуются впервые.

УДК 2
ББК 86

© Мень А., 1989–1990

ISBN 978-5-903612-31-4

© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня, 1989–
1990

Содержание

Тайна Евангелия	7
Павел Тарсянин и его эпоха	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

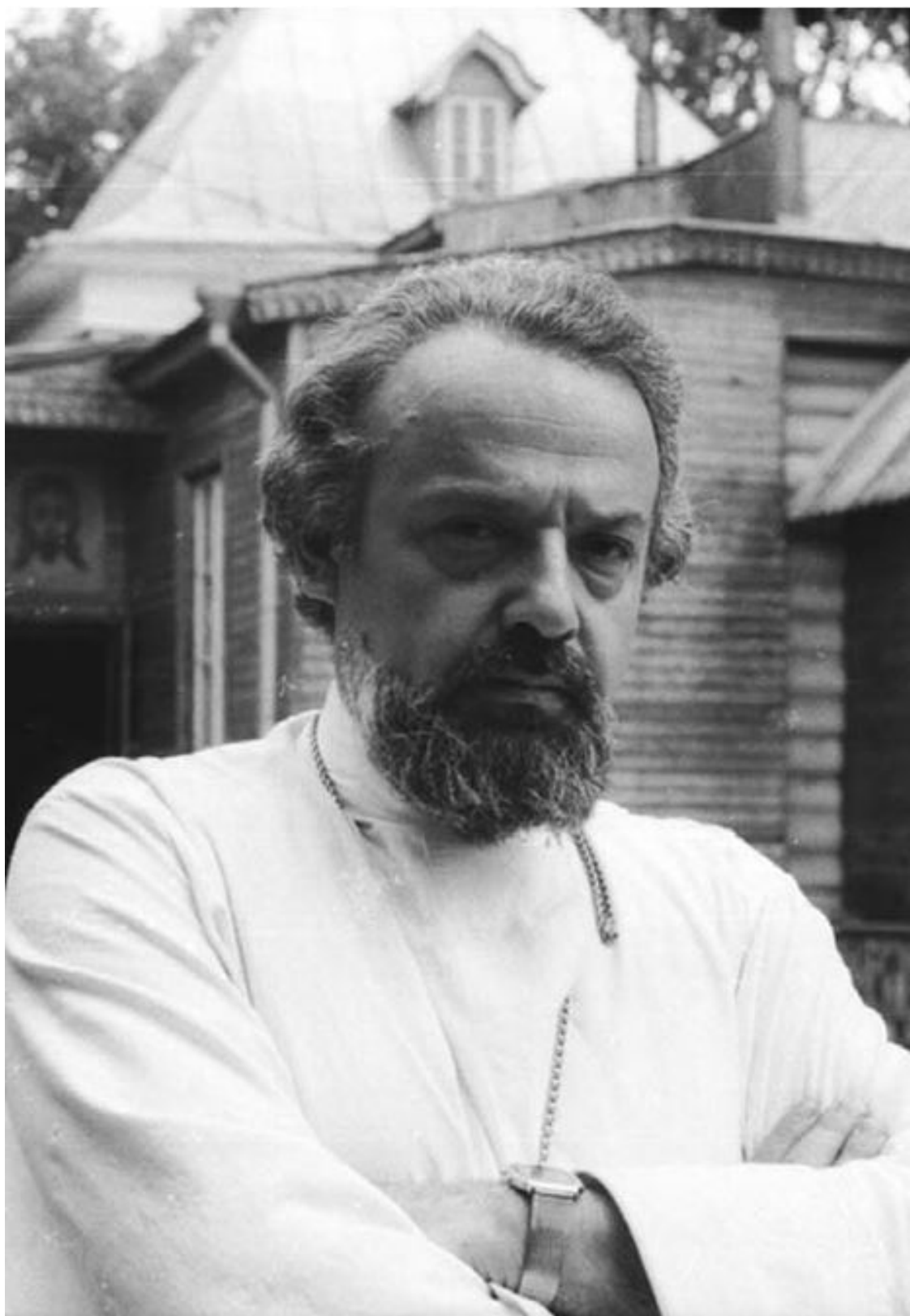
Протоиерей Александр Мень

Пути Церкви

© М. А. Мень, текст, 2013

© Издательский дом «Жизнь с Богом», 2013

* * *



Прот. Александр Мень

Тайна Евангелия

Вся духовная жизнь человечества шла и продолжает идти к вершине человеческой истории, к откровению Евангелия. Я еще раз хочу напомнить вам слова святого Иннокентия Херсонского, русского подвижника XIX века, который, очевидно, в ближайшее время будет причислен к лику святых¹.

Он говорил, что в каждой религии есть свои степени постижения истины. Он сравнивал соотношение между религиями с распределением солнечных лучей по земному шару – от полюсов до экватора. Если на полюсах солнечный свет дается в малом количестве, то на экваторе – в большом. Так святой Иннокентий сравнивал различную глубину постижения Божественной тайны. Откровение Евангелия, говорил он, является экватором духовной истории человечества. Но наличие экватора само по себе не зачеркивает того факта, что все равно солнечный свет, так или иначе, объемлет всю землю и что без него бы земля и жизнь на ней не существовали.

Итак, мы сегодня стоим перед загадкой Евангелия.

Что такое Евангелие? Это слово означает *Радостная Весть*. Ибо человеческий род узнал о себе и о мироздании немало интересного, но и много печального. Человеческий род ощутил безмерность Божественного – и свое ничтожество. Человеческий род пришел к идее спасения, например, в буддизме или в таинствах мистерий в Элевсине (около Афин), но это спасение достигалось за счет полного поглощения человека высшим, потусторонним. Собственно говоря, отказ буддизма от жажды жизни увенчивался тем, что спасение достигалось отказом от самого человека, от самого бытия.

Но кто же заложил в нас эту жажду? И почему человек должен либо погрязать во временном, несовершенном, либо, пытаясь подняться в бессмертное, совершенное, полностью отрывать от земного? Возможно ли достижение какого-то высшего синтеза?

И если посясторонние учения как бы раскидывают свои крылья горизонтально, двигаясь по поверхности земли, а мистические, потусторонние ищут глубину, то, как выражался русский философ Евгений Трубецкой, синтез этому дает Крест. Крест соединяет в себе вертикальное стремление в Небо и горизонтальное, обнимающее землю.

Последние годы на наших глазах происходит удивительное превращение, потрясающее тех, кто наблюдал перипетии отечественной культуры за последнее десятилетие. Мы были свидетелями режима, системы, которая претендовала на божественную абсолютность, на божественную священную непогрешимость и которая в течение жизни нескольких поколений отбрасывала – и не только отбрасывала, но уничтожала, жестоко и беспощадно, – все проявления традиционных религий. Все можно было претерпеть, кроме этого. И трудно было предвидеть, что наступят сегодня такие дни, когда религиозные ценности больше не проклинаются, не предаются анафеме, не уничтожаются.

Попытка сделать государство священным, поставить его на место божества, попытка заменить государственным культом все откровения, открытия, которые существовали и существуют в истории, привела к колоссальному культурному самоубийству. Горели бесценные рукописи и иконы, взрывались и разрушались православные церкви, христианские церкви других исповеданий – костелы, кирхи, молитвенные дома, – взрывались ценнейшие древнейшие религиозные памятники ислама, буддизма, иудаизма и других религий, которые существуют на территории нашей страны.

¹ Архиепископ Иннокентий (Херсонский) (1800–1857) – богослов, духовный писатель, проповедник. В 1997 году причислен к лику местночтимых святых Одесской епархии Украинской православной церкви (Московского Патриархата).

Происходили необратимые, невозвратные потери, разрушалось самосознание народов, происходил разрыв между современниками и минувшими поколениями; целые пласты мысли, поэзии, музыки, литературы, народных традиций, наконец, самое главное, этические принципы – все это беспощадно сметалось с пути во имя создания новой вавилонской башни, нового, призрачного, искусственно создаваемого псевдомира.

И когда мы проходим мимо бассейна «Москва», мы невольно задумываемся над этим и воспринимаем эту печальную картину как огромный исторический символ. Потому что на месте храма, который там стоял, должен был быть вовсе не бассейн, а, как многие из вас знают, должен был стоять огромный, фантастически огромный Дворец Советов. То есть это должен был быть псевдохрам, святилище новой, секулярной политической религии.

Но все это кончилось ничем. Все это кончилось колоссальной нравственной, политической, хозяйственной катастрофой. Политической – потому что бесправие торжествовало здесь свою победу, жизнь человеческая стала дешевле самого дешевого товара! Совесть стала относительной! Разговоры о материализме привели к кризису и в области материальной жизни. Иными словами, произошло все точно как в басне Крылова «Безбожники», где герои басни кидают огромные камни в небо, чтобы свергнуть богов, и потом эти камни падают им на головы. И заключает Иван Андреевич эту басню словами:

Плоды неверия ужасны таковы;
И ведайте, народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства
толки смелы,
Чем против Божества вооружают вас,
Погибельный ваш приближают час...

То есть все это он видел за сто с лишним лет.

Сегодня, когда к нам возвращаются духовные ценности человечества, мы, конечно, в первую очередь обращаем внимание на христианство. Я очень ждал, что 1000-летие Крещения Руси станет добрым, хорошим, разумным поводом, для того чтобы власть могла показать изменения в религиозной политике, в прошлом бессмысленной и беспощадной. К счастью, так и произошло.

Но что видит человек, не посвященный в сущность христианства, в эти торжественные дни, месяцы, годы? Он видит лишь внешность христианства. Он слышит величественный колокольный звон; он видит красивые очертания чудом спасшихся церквей и куполов; он видит старинные художественные формы; он слышит звуки прекрасных песнопений, которые теперь часто звучат и по радио, и по телевидению; он видит (к сожалению, чаще всего в музее) древние иконы, плоды великого христианского творчества Византии, Древней Руси, Болгарии, Сербии; он видит и многое другое. Это целый необъятный мир, полузабытый, оттесненный на задворки нашего быта и жизни.

Но сегодня мы с вами говорим об истории духа. И, прежде чем сказать о христианстве, нужно задаться вопросом: чем же оно отличается от остальных верований? Что принципиально нового оно внесло в историю и в жизнь человечества? И это, друзья мои, не то, что мы видим на торжественном, красивом, праздничном фасаде церкви. Ибо великие здания прекрасной архитектуры – ими владел и до-христианский мир. И мы можем сказать, что индийские храмы или древнегреческий Парфенон тоже были по-своему совершенными произведениями искусства.

Конечно, древность обладала и высокими образцами священной поэзии: мы с вами упоминали и Бхагавад-Гиту, и буддийские сутры; в конце концов, и Гомер, и Вергилий касаются священных религиозных вопросов. Такие произведения литературы, как «Диалоги» Платона или «Мысли наедине с собой» Марка Аврелия – это тоже шедевры человеческого духа.

Да, звучат колокола, но буддийский мир тоже их знает, как знает он и четки, и иконы – конечно, другие по стилю, замыслу и содержанию, но, тем не менее, высокохудожественные произведения. Одним словом, объективно и строго глядя на поэзию, музыку, архитектуру, живопись, мы должны признать, что как феномен культуры, как явление человеческой истории христианство занимает выдающееся место, но наряду с другими мировыми и национальными религиями. В конце концов, великое священное искусство египтян с эстетической точки зрения тоже можно сравнить с искусством иконописи – и там были свои особые законы, свое особенное видение мира.

Для того чтобы познать специфику, особенность христианства, понять, почему мы говорим о нем как о религии религий, надо заглянуть в его душу, понять самое главное.

В связи с этим я хочу обратить ваше внимание на одну маленькую деталь. Если любому человеку, закончившему школу, показать египетское изображение, он скажет: да, это из Древнего Египта. Он может не знать, какого века – Египет существовал тысячелетия, – но он знает: это египетское. Также он скажет: это ассирийское, это индийское (буддийское или индуистское), это мусульманское. И каждый человек, даже невежественный, может издали отличить древнегреческий храм от мусульманской мечети.

Почему? Потому что все религии теснейшим образом связаны с определенной, локальной, замкнутой во времени и пространстве культурой. Более того, когда рушились эти культуры, вместе с ними зачастую (хотя и не всегда) погибали и эти религии.

Между тем, если мы возьмем, например, в России только Казанский или Исаакиевский собор в Ленинграде и сравним со Святой Софией Киевской или с новгородским храмом Спас-Нередицы, если сравним роспись в Исаакиевском соборе с росписью в каком-нибудь древнем новгородском соборе, или сравним песнопения, которые были в Древней Руси и в XIX веке, то увидим, что они очень разные.

Если мы посмотрим шире, то увидим бесчисленное количество религиозных школ, обрядов, как и различных по форме храмов. Первоначально были какие храмы? – тяжелые прямоугольные, не украшенные снаружи базилики. А потом было византийское искусство, ничем не напоминающее искусство готическое.

А современные церковные сооружения по всему миру? Каждая из них по-своему своеобразна. Иконопись, которая является шедевром христианского искусства, бесконечно далека от той церковной живописи, которая была во дни ранних отцов Церкви, когда христианское искусство находилось в тесной связи с античным искусством. Между тем, иконопись порвала связи с античными канонами.

Я это говорю для того, чтобы вы поняли, что все культурные проявления в христианстве – это надстройка, а духовное ядро, какими бы ни были его проявления в мире, – оно единое. И нет той тесной связи между ними, которая бы была нерасторжима, как в других мировых и национальных религиях.

Если бы я мог вам показать здесь, хотя бы на экране (для этого пока нет возможности), как строятся христианские храмы в Индии, в Китае, в Африке, то вы бы увидели, что они совсем не похожи на наши. И это закономерно, ибо христианство – абсолютная, мировая религия в полном смысле этого слова.

Углубляясь дальше, мы спрашиваем: в чем же ее духовное ядро? Сейчас очень много говорят о нравственном значении христианства. И это верно. Это невозможно оспаривать, потому что еще из Ветхого Завета Евангелие берет универсальную истину, что служение Богу прежде всего является служением людям, что человек, который служит Богу, если он попирает другого человека, – он обманывает и себя, и Бога.

Значит, добро есть величайшая жертва, которую человек приносит на алтарь Всевышнего. Но и этого мало, потому что высокие этические принципы были и у Конфуция, и у Лао-

цзы, у Мен-цзы, у Заратустры, у стоиков и вообще у греческих философов, и, естественно, в Ветхом Завете. Значит, что-то еще более важное лежит в основании.

Это более важное есть Благая Весть, Весть о том, что Сам Создатель пришел в этот мир. Он пришел не фигурально, не обобщенно, не условно, а совершенно реально, и, как говорил святой Афанасий Великий: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом». И вот эта тайна и является сущностью Евангелия.

Причем эта тайна открывается человечеству в свободе. Не принудить людей явился Иисус Христос в этот мир. И Он даже не провозгласил, не открыл это с первых дней Своей проповеди. Он выступил сначала как проповедник и учитель и лишь постепенно подводил Своих учеников к тому, что Он – Некто больший, нежели пророки.

Он говорил о словах Священного Писания: древним сказано то-то, а Я говорю вам то-то. Когда Он говорил «древним сказано», это значит, Он ссылался на Писание (на Ветхий Завет), которое есть Слово Божие, но когда Он добавлял: «А Я говорю вам», – Он являл абсолютную власть, и люди, прислушавшись, задавались вопросом: кто же Он?

Он пришел, оберегая нашу свободу, без санкций какой-то авторитетной школы, без санкций Храма – Он не был священником, без санкций власть имущих или традиции...

Он пришел как человек, принадлежащий к среднему классу общества, который даже жил не в столице, а в глухом городке. О городке, где Он провел Свою юность, говорили: «Из Назарета может ли быть что доброе?»²... И никогда никакого насилия над личностью. Если Он исцелял, то чаще всего говорил исцеленному, чтобы тот не рекламировал это, не разглашал, что все должно остаться между ними как что-то тайное, интимное, личное. Он никогда не делал Свою сверхъестественную власть орудием пропаганды.

Однажды Христос пошел по воде. Это очень важный момент, о нем говорят все четыре евангелиста. Это было тогда, когда народ захотел взять Его и против Его воли, насильственно сделать царем. Он отсылает Своих учеников на лодке вперед и незаметно от толпы поднимается на гору, потом, спустившись под покровом ночи, быстро идет, почти скрываясь, почти бежит от ликующей толпы, чтобы она Его не нашла. Единственный путь – это идти по воде. И Он идет.

Он идет по воде для того, чтобы Его не сделали царем! Он идет по воде вовсе не для того, чтобы продемонстрировать всем Свою власть над природой, а для того чтобы не принять земную силу и земную славу.

Он хотел, чтобы такими были и Его последователи. «Цари земные властвуют над народами, – говорит Он, – между вами да не будет так. Кто хочет быть между вами первым, да будет всем слуга»³.

Учителя иудейские спрашивают Его: скажи нам, Наставник (Он выступает как проповедник, как наставник), какая главная заповедь в Законе? И Он отвечает: главная заповедь та, которую дал Моисей: «Слушай, Израиль, Господь Бог твой един есть; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею, – вот первая заповедь! И вторая, – добавляет Христос, – подобная ей: люби ближнего своего, как самого себя»⁴.

На этом, говорит Он, то есть на этом как на основании, укреплен весь Ветхий Завет. И это Христос провозглашает самым главным в Писании.

Конечно, остается вопрос: кто есть ближний. На этот вопрос Он отвечает притчей о милосердном самарянине, который спас человека от беды, спас человека, о котором он не знал, кто

² Ин 1, 46.

³ Ср.: Мф 20, 25–26; Мк 10, 42–43.

⁴ Ср.: Лев 19,18; Мф 22, 35–40; Мк 12, 28–34.

он – единоплеменник, единоведец, чужак, для него это был просто человек, и он сделал для него все, что смог⁵.

Христос говорит о суде над миром. Его явление – это явление Божественного Лица в мире. Ибо, как пишет евангелист Иоанн: «Бога не видел никто никогда», потому что Бог – это безмерность, потому что это более чем необъятная Вселенная. Это колоссальная тайна, которую не может вместить в себя утлый человеческий рассудок! И только когда сам Неизреченный и Непостижимый захочет начать с нами диалог, тогда это становится возможным. И тогда мощный голос на всю Вселенную, на весь космос, становится все тише, и тише, пока не становится голосом человеческим. Только став одним из нас, Безмерность может говорить с нами. Только приблизившись к нам, Он может не заглушать нас, не подавлять, но сохранять нашу богоподобную свободу.

Тогда один из учеников в последнюю ночь сказал: «Покажи нам Отца (Того, Кто создал все, Кто является нашим Богом), и довольно будет с нас». Человек столетиями пытался познать Отца. Мы с вами проследили, мы с вами видели, как над этим мучился ум Платона, дух Будды, китайские, индийские, греческие, персидские, иудейские и другие мудрецы.

Платон говорил: «Трудно постичь Отца всяческих». А что мог ответить иной мудрец? Один говорил: молись; другой сказал: размышляй, познавай науки; третий сказал: отрешись от всего, созерцай вечность. Но только Иисус Назарянин ответил: «Столько времени Я с вами – и ты не узнал Меня, Филипп. Видевший Меня – видел Отца»⁶. Вот в чем сущность христианства, сущность Евангелия.

Все, что было до Него, – это руки, простертые к Небу, это поиск, это прозрение, это естественное откровение и открытие. А здесь – ответ Неба. Тихий, как шепот, но внятный для того, кто готов его услышать! Свободный от всякой навязчивости и давления, Он стучит в мир, стучит в каждое сердце, обращается не к массам человечества, а к отдельному человеку, к людям, связанным между собой.

«Я – голос Вечности, Я – Лик Божий», – говорит нам Христос. Он не просто учитель морали, не просто проповедник, не просто земной человек! – хотя Он был и земным человеком, и учителем, и проповедником, – но Он Сын Божий, пришедший к нам из иного бытия.

В этом была Его сила, в этом она и остается сегодня. Апостол Павел говорит: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же»⁷.

Человек нередко переносил на Бога свои мечты, свои подавленные сокровенные желания, ему хотелось быть защищенным мощной рукой. Он переносил на Бога атрибуты капризного деспота, властного царя. Ему хотелось, чтобы Бог был только судьей или, наоборот, только покровителем, который охраняет лишь избранных. Вот почему образы Божества часто затмеваются человеческим несовершенством.

Но вот перед нами живая икона: Иисус Назарянин, пришедший на Иордан к Иоанну из Назарета Галилейского. Что в Нем может быть измыслено? Кто Он? Человек любит силу и славу. Но в Нем не было ни земной силы, ни славы. Затем – распятый, отвергнутый, преданный. Недаром для нас крест является знаком, знаком Бога, прошедшего через полное уничтожение!

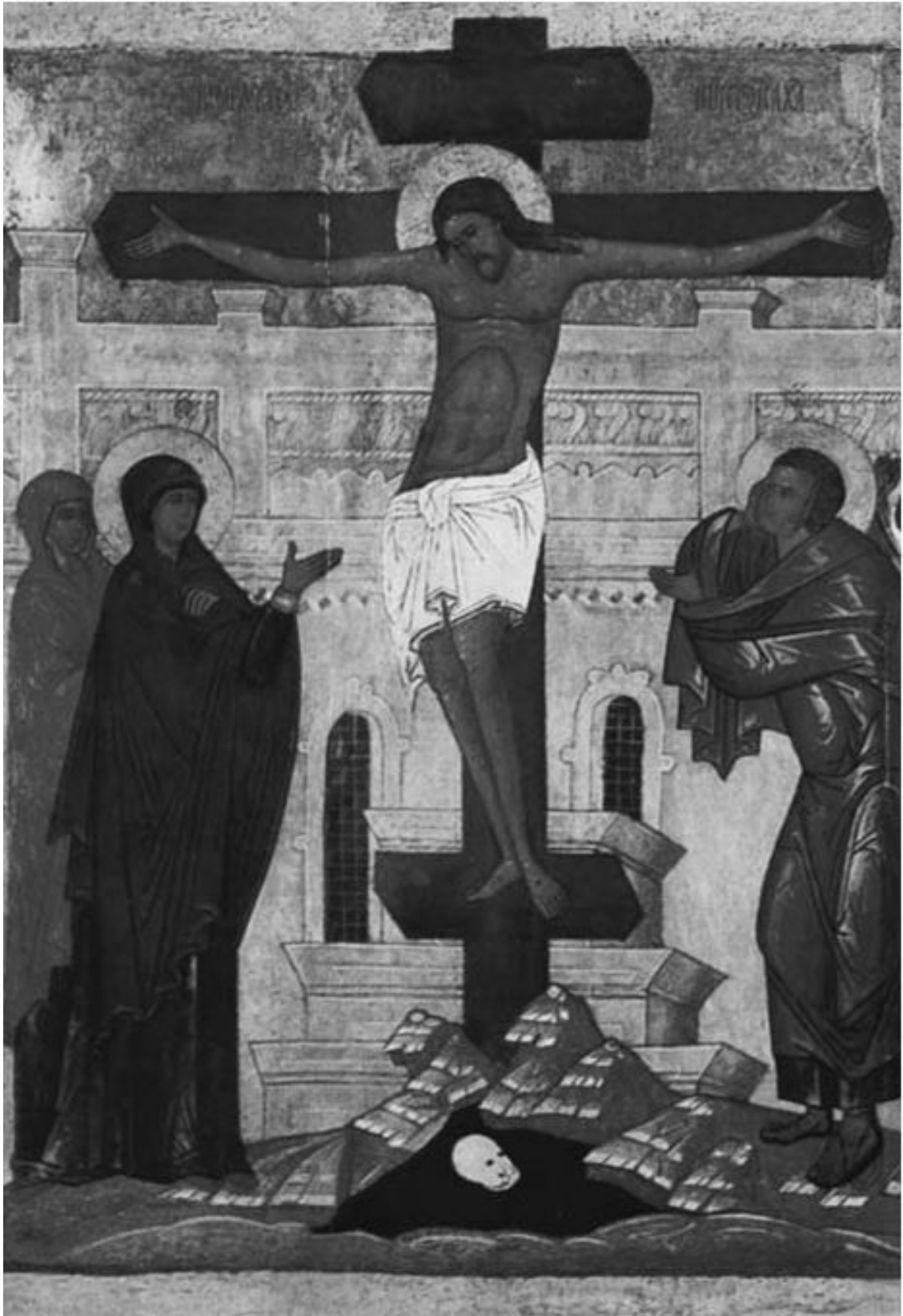
Как говорит пророк, за много веков предвидевший Его пришествие: «В Нем не было ни вида, ни величия... Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши»⁸.

⁵ См.: Лк 10, 25–42.

⁶ Ср.: Ин 14, 8–11.

⁷ Евр 13, 8.

⁸ См.: Ис 53.



Распятие. Икона Новгородской школы. XV в.

Он приблизился к нам, и это стало источником Его страдания. Но если бы Он не приблизился, Он бы нас не приобрел, не искупил, не выкупил, не освятил! Значит, либо – либо. Жесткая альтернатива. Либо Христос, придя к нам в страданиях, спасает нас, либо Он остается далеким от нас, оставаясь в Своем бесстрастии, в Своем не-страдании.

Моисей оставил людям скрижали. Будда оставил общину монахов, из которой потом образовалась всемирная религия буддизма. Заратустра сложил первые гимны, вошедшие в Авесту, Платон оставил нам свои гениальные произведения, Конфуций оставил свои изречения, свои идеи. Господь Иисус не оставил ни скрижалей, ни четко организованной общины, а Он сказал: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Я буду с вами во все дни до скончания века»⁹. Я, Я буду с вами – вот где сила христианства! Вот где разгадка его неуничтожимости. Она не в человеческих усилиях.

Много было предложено всяких фантастических объяснений, почему христианство пережило и гонения римских императоров, и недостойность своих средневековых руководителей, последователей, и гонения в XVIII веке, во времена Французской революции, и в XIX веке, и в XX веке, когда антихристианский ураган пронесся почти по всему земному шару, пытаясь уничтожить его от Китая до Мексики. И ничего не получилось. Что же, христиане из другого теста? Нет, мы такие же люди, обладающие такими же человеческими немощами. Но тайна Христова в том, что «Свет во тьме светит, и тьма его не может объять»¹⁰. Божественное основание христианства есть источник его силы.

Поэтому, когда некоторые теологи на Западе размышляют, имеет ли христианство будущее, мне смешно бывает их слушать, потому что они обсуждают это, как будто речь идет о какой-то партии, секте, человеческой группировке.

То, что создал Господь Иисус на земле, переживет все, что есть в истории. Потому что с этого момента, с момента, когда Христос провозгласил Свою Нагорную проповедь, когда провозгласил пришествие Царства Божия, начался над миром Страшный Суд. «Ныне суд миру сему», – говорит Господь. Суд заключается в том, что Свет пришел в мир, и этот Свет проникает в глубины души и совести каждого из нас!

Евангелие можно читать просто как произведение литературы, но это будет чтение ущербное. Читать его надо как слово Христово, обращенное лично к тебе! Это Слово, которое вопрошает, спрашивает тебя! И когда его свет проникает в темноту нашей души, тогда эта необыкновенная, эта таинственная книга начинает говорить, говорить так, как может заговорить лист, исписанный нотами.

Человек, не знающий нот, смотрит на них тупо, как на какие-то непонятные значки или крючки, а музыкант, когда разворачивает ноты, вдруг слышит в глубине души весь хор звуков, который в них закодирован. Так в этих лаконичных, скупых строках евангелистов, которые передали нам слова Христовы, закодирована Божественная сила, Дух Господень. Евангелисты передали их иногда дословно, иногда с некоторой интерпретацией, но важно, что суть дошла до нас точно.

В те дни, когда Христос проповедовал, у иудеев не принято было записывать слова за учителем. Полагалось запоминать их наизусть, и память древних людей была очень натренирована. Мы знаем, что даже Махабхарату запоминали, и до сих пор многие учителя знают ее наизусть, а она во много раз превосходит Библию по размеру.

Слова Христовы – это и поэзия, и ритмичные слова. Многие ученые перевели с греческого языка слова Христовы обратно на арамейский и на древнееврейский языки, на которых Он говорил, и обнаружили, что Он говорил часто стихами. Например, молитва «Отче наш» в оригинале имела не только ритм (размер), но и рифму! Это способствовало запоминанию. Таким образом, исследование помогает нам подойти к прямым непосредственным словам Христа.

Но здесь возникает еще одна очень важная проблема, которая подводит нас к духу и тайне Евангелия. Как бы ни был прекрасен идеал, когда человек обращается к нему, – чувствует,

⁹ См.: Ин 14, 18; Мф 28, 20.

¹⁰ Ср.: Ин 1, 5.

насколько мы далеки от этого идеала. И любое учение, любая доктрина очень часто остается как бы благим пожеланием или уделом небольшой группы людей. Христианство открывает иную сферу, иное пространство духовности, а именно: помощь, идущую от Самого Христа.

Апостол Павел, о котором мы будем говорить в следующий раз, писал: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»¹¹. То есть сила Христова помогает человеку осуществить то, на что он в обычном состоянии не способен. В этом одна из особенностей христианства: спасает человека то, что Христос дает ему как дар, великий дар. Мы называем его «дар блага», «благодать» – благо, которое дано человеку.

С человеком могут происходить удивительные трансформации, изменения, но все зависит от того, примем ли мы Евангелие в свое сердце, примем ли мы в свое сердце Христа? И дальше все будет связано с этим.

История Льва Толстого показывает (я просто беру классический пример, чтобы вы увидели): он хотел обратиться к христианству, он ходил в храм, он соблюдал посты, говел раз в год, как полагалось тогда, ходил по монастырям, – и все это оказалось напрасно. Очень скоро с него это все слезло, как шелуха. Потому что не было главного! Он искал в Евангелии только афоризмы, нравственные изречения. Он не познал Христа как Божественную Личность...

Божественность Христа была для него закрыта. А если так, то сколько он ни ходил по церквам и ни говел, все это оказалось тщетным. И это касается не только великого писателя, но и каждого из нас. Вот почему человек, который может многое исполнять, подобно, скажем, Ивану Грозному, очень любившему прикидываться благочестивым, если он не имеет Христа в сердце, все оказывается пустую.

Но, конечно, мы должны понимать, что есть и обратная крайность. Поэтому апостол Иаков пояснял, что «вера без дел мертва»¹². Вера не есть субъективное переживание, а есть некая сила, которая в нас поселяется и обязательно действует.

Это очень важные моменты, и о них больше всего думал и говорил апостол Павел.

Апостол Павел – наряду с апостолом Петром – первоверховный апостол, и значительную часть Нового Завета составляют его биография и его Послания. Но об этом мы будем говорить в следующий раз, а сейчас я хочу еще раз повторить, как надо читать Евангелие.

Я не буду вам перелагать его, излагать, – вы должны сами услышать слово Божие и понять его не просто как добрые советы или какие-то моральные назидания, – это гораздо глубже. Надо увидеть и почувствовать Самого Христа.

Это дается не сразу. Но в какой-то момент вдруг вы Его видите. Это чудо и эта тайна существуют. Это проверили многие поколения на протяжении двадцати веков христианства. И каждый раз встреча с Христом открывает нам бесконечную глубину жизни, радость, бессмертие, победу, настоящую песнь любви!

В древности Книга «Песнь Песней» воспевала любовь мужчины к женщине; но она была прообразом, предвосхищением величайшей любви, которую человек может когда-либо пережить, любви к своему Создателю, любви к Тому, Кто пришел нас спасти, то есть присоединить к Себе, вырвать нас из пошлой, мертвящей, ограниченной, обреченной на умирание, задавленной камнями греха жизни. Он может нас поднять совсем в иное мироощущение и мирозерцание. И в этом тайна христианства.

А вы можете спросить: почему за эти две тысячи лет христианство так часто терпело неудачи? Потому что слишком часто человек обращался лишь к внешней своей принадлежности к Церкви, как будто он вошел в какую-то партию и это ему гарантирует вечное блаженство. Отступления от Христа и были причиной бесчисленных неудач в истории Церкви, бесчислен-

¹¹ Флп 4, 13.

¹² Иак 2, 20.

ных трагедий. Но Христос непобедим. У Него всегда были Свои верные, и всегда, когда человек, казалось бы, совершенно уже не имел никаких надежд, вновь проявлялась Его сила.

Христос – безмерный, бесконечный, несет вечную любовь и в то же время, став смертным, приносит нам Себя в жертву, для того чтобы быть с нами всегда, чтобы посеять на земле семена будущего Царства. В этом Царстве будет править Бог, и тогда будет побеждено зло духовное, душевное и физическое, тогда будет исполнен замысел Творца о ликующей Вселенной, переливающейся всеми цветами радуги, и, как говорит нам Писание, «отрет Господь всякую слезу с лица человеческого, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» и Бог будет во всем¹³.

18 марта 1990 г. ДК «Серп и Молот»

¹³ См.: Откр 7, 17; Ис 25,8.

Павел Тарсянин и его эпоха

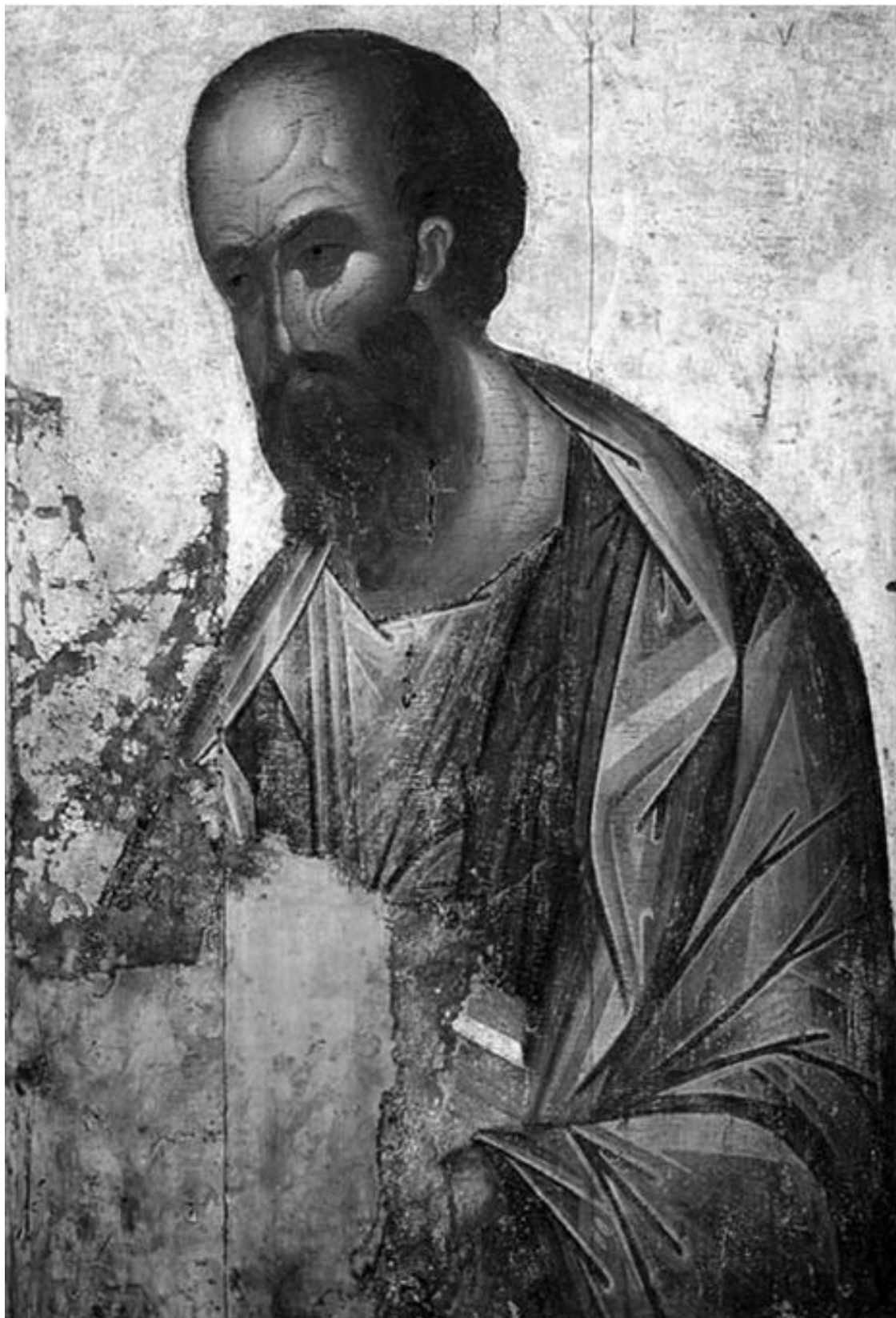
Я думаю, что каждый из вас помнит хотя бы по репродукциям замечательную икону Андрея Рублева из Звенигородского чина, которая называется «Апостол Павел». На этой иконе мы видим лицо человека, погруженного в какое-то глубокое размышление; открытый большой лоб, лысая голова – это человек, который как бы прислушивается к звукам неземной музыки.

Кто бывал в Ленинграде, в Эрмитаже, должен помнить знаменитую картину испанского художника Эль Греко «Петр и Павел», на которой рядом с Петром мы видим хрупкого задумавшегося мечтателя. Несмотря на то что по живописным приемам этот образ весьма далек от изображенного Рублевым, духовно они схожи.

Разные мастера в разные эпохи изображали этого человека. Это и мощный титанический образ, как статуя святого Павла в Риме около посвященного ему собора, это и резкий, такой характерный портретный образ, написанный Виктором Михайловичем Васнецовым на одной из центральных колонн Владимирского собора в Киеве.

История искусства постоянно возвращает нас к теме этого человека. Одна из ранних работ Сурикова написана на сюжет из жизни апостола Павла; и художник потом возвращался к этой теме... Кто только не пытался изобразить его: и неведомые, безымянные для нас византийские мастера, и древнерусские иконописцы, и великие Рембрандт и Гойя. Пожалуй, редко кто из крупных художников Востока и Запада, далекого прошлого и совсем недавнего, не обращался к этой фигуре.

Французский писатель, теолог и историк Эрнест Алло писал: «Обратите внимание, что Новый Завет включает в себя только две биографии, два жизнеописания – жизнеописание Иисуса Христа и апостола Павла». Уже один этот факт наводит на глубокие размышления. Если бы здесь, на этой сцене, собрали все книги, написанные об апостоле, то меня бы не было видно. Даже при самой аккуратной комплектации все бы было заставлено этими книгами до самого потолка. И это было бы далеко не полное собрание литературы об апостоле Павле.



*Андрей Рублев. Апостол Павел.
Икона из Звенигородского чина. Начало XV в.*

Покойный протоиерей Александр Шмеман, один из выдающихся проповедников и теологов Православной Церкви, недавно скончавшийся, писал, что это была такая яркая личность, что в течение всей истории Церкви «Павлов вопрос» был одним из самых острых и спорных.

В частности, западная Реформация – течение, которое было вызвано к жизни Лютером, – своим возникновением в значительной степени обязана толкованию, интерпретации идей апостола Павла.

Мне всегда казалось, что Павел – это тот человек в истории Церкви, который не только не исчерпан, не только не ушел в прошлое, но и сегодня еще недостаточно глубоко понят. Я специально принес несколько выписок – это суждения об апостоле Павле разных людей. Я это сделал для того, чтобы вы почувствовали, сколь противоречивы суждения о нем...

Вот что пишет Иоанн Златоуст, великий учитель Церкви: «Какую бы доблесть ни проявляли пророки, патриархи, праведники, апостолы, мученики – все это в совокупности имел Павел. Подлинно, как искра, летал он по вселенной, и как бестелесный, презирал труды и опасности».

Эрнест Ренан, французский историк: «Истинное христианство, которое будет жить вечно, вышло из Евангелия, а не из Посланий Павла. Писания Павла были опасностью и подводным камнем, причиной многих изъязнов христианского богословия».

А вот что говорит Фридрих Ницше: «В сущности, был только один христианин, и Он умер на кресте; при помощи Павла жрец еще раз захотел добиться власти – ему нужны были только понятия, ученики, символы, которые гипнотизируют массы, образуют стада».

Еврейский историк Генрих Грец в прошлом веке писал: «Павел действовал так, чтобы порвать всякую связь между иудаизмом и христианством. Павел смотрел на христианство как на прямую противоположность иудаизму».

Адольф Гарнак, немецкий протестантский историк: «Павел был тот, кто понял Учителя и продолжил начатое Им дело».

Николай Глубоковский, русский богослов: «Только через святого Павла Евангелие Христово сохранилось в апостольском веке и сделалось потом стихией, претворяющей историю» (то есть преобразующей).

Немецкий философ Артур Дреус, активный антихристианин, близкий к фашизму, пишет: «Если вообще существовала великая личность, призвавшая к жизни новую религию, то это не псевдо-исторический Иисус, а Павел». Надо сказать, что Дреус считал Христа вымыслом.

Адольф Гитлер: «Не Иисус, который был арийцем, а еврей Павел – создатель христианства. Восхваляя миролюбие и дух равенства, Павел лишил Римскую Империю ее иерархического военного мировоззрения, которое являлось ее стержнем, что и привело к ее падению».

Герберт Уэллс: «Павел завладел наследием Иисуса и втиснул его в рамки догматического христианства».

Альберт Швейцер, врач, философ, музыкант: «У Павла полное согласие с учением Иисуса. Реализация христианства началась не с Павла, а после него».

Эрнст Добшюц, немецкий протестантский историк: «Павел оставался не греком, его мысли и чувства коренятся в иудействе, в Ветхом Завете».

Это лишь немногие высказывания, показывающие, насколько трудно было людям, даже нашего столетия, после стольких исследований, охватить эту поразительную личность.

История Павла начинается в 36 году I века, то есть через несколько лет после Голгофы, Пасхальных событий и Пятидесятницы. В то время в Иерусалиме жило немало эллинистов, то есть евреев-репатриантов, приехавших из различных стран мира. Их воззрения были часто весьма противоположны. Одни эллинисты, вернувшись на историческую родину, становились более ортодоксальными, даже фанатичными, и старались быть, как у нас выражаются, «святее самого Папы», то есть проявить свое благочестие, показав всем иерусалимлянам, что они превосходят их. Другие, напротив, повидав широкий мир, приобщившись так или иначе к мировой культуре, выступали против узости в выражении своей веры.

Эти эллинисты – назовем их либеральными эллинистами – входили и в состав первой апостольской общины. Более того, для того чтобы следить за справедливым распределением помощи нуждающимся, 12 апостолов (коллегия 12 апостолов во главе с Петром) избрали 7 управляющих, или, как мы теперь называем, «диаконов», от греческого слова «диакония» – «служение». Это был диакон не в современном смысле, который поет и произносит слова службы; тогда диакон был заведующий благотворительностью, помощью бедным. Так вот, все семь управляющих были эллинистами.

Среди них выделялся один, по имени Стефан, страстный полемист, горячий проповедник. Он неоднократно вступал в конфликт с ортодоксами и говорил им, что Храм не есть дом Божий, что, в конце концов, дом Божий – это вся земля! А где Его Престол – в этом городе?! Да нет, Его Престол – вся Вселенная, а Небо – Его обиталище. И подобного рода слова привели в конце концов к тому, что его действительно стали преследовать.

Его никто не судил, но произошло следующее. Во время смены римского прокуратора толпа обычно приходила в состояние возбуждения. Возникали надежды, что вот-вот кончится иноземное иго и можно будет опять добиться независимости. И тут поднимали голову движения самых разных толков. Поэтому когда Стефан выступил с проповедью имени Иисуса, с проповедью о том, что наступает новая эра, эра религии духа, толпа фанатиков потащила его в Синедрион, где он должен был дать ответ.

И Стефан вышел и сказал им все, что он думал. «Вы слепцы!» – сказал он и кончил свою речь гневным обвинением, брошенным в лицо фанатикам всех времен и народов. И о Храме он сказал, что это только камни, что это не вечное. Тогда в зал ворвалась толпа, которая вытащила его и совершила над ним расправу: без законного приговора его побили камнями как богохульника.

Книга Деяний апостольских говорит нам, что там присутствовал и молодой фарисей по имени Саул, или Савл; римское имя его было Павел (Паулус). Он не участвовал в расправе, но взялся сторожить одежду палачей, которые побросали ее недалеко от места расправы. Этим он продемонстрировал свое отношение к происходящему. Савл не был жесток, но его глубоко уязвили слова Стефана.

Кто же был этот Савл, он же Павел? Он тоже был эллинистом, но эллинистом особого толка. Он родился и жил в Тарсе, на юго-востоке Малой Азии, на границе современной Сирии и Турции. Это был город промышленный, культурный, торговый, языческий.

Родители Савла были людьми строгого благочестия. Они считали себя последователями фарисеев, самой ортодоксальной группировки, что в странах иудейского рассеяния было большой редкостью. Они постоянно поддерживали связь с Иерусалимом и хотели, чтобы сын их стал религиозным учителем. Родился Савл в первые годы нашей эры, следовательно, в момент расправы над Стефаном ему было лет 25–30.

Савл приехал в Иерусалим и стал учеником знаменитого иерусалимского богослова, рабана Гамалиила, человека терпимого, либерального, чуждого фанатизма, человека, который был проникнут высоким духом благочестия. Когда его спрашивали о том, что надо делать с новым движением, с членами секты, которые называли себя назарянами (слово «христиане» появилось позже), он сказал: много было разных сектантов, безумцев, но если это от человека – оно пройдет и кончится, само собой угаснет, а если от Бога, тогда преследующие могут оказаться богопротивниками. Вот у такого человека учился Савл.

Итак, перед Савлом встает вопрос: что значит новое учение? О чем учат эти люди? Он размышляет об этом, и, по-видимому, какое-то сомнение закрадывается в его сердце. Во время последней проповеди Стефана он видел «лицо его, подобное лицу Ангела», как пишет автор Деяний¹⁴

¹⁴ Деян 6, 15.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.